

Продолжение. Начало с №5(33)

Анна Жуковская

рассказ

КОСТЯ даже не заметил, как прошла целая неделя. Дни и ночи он проводил в компании своих новых друзей, и все вокруг казалось ему нарисованным красками таких цветов, о существовании которых он раньше даже и не подозревал. Каждое утро, просыпаясь, он «ощупывал» свое существо в поисках привычных с детства заноз и не находил их. Его чудо было не месте. «Неужели так бывает?» — все еще недоумевал он. Он принялся за Евангелие, и унижение и смерть Иисуса поразило его тем более, что уж Костя-то знал, какой Он сильный и могущественный. Это вызвало бурю эмоций, Костику хотелось просто орать, или хотя бы просто громко-громко крикнуть, чтобы ветер разнес его крик до краев земли. Двадцатилетний слесарь-сантехник Костя Рабинович из маленького городка, затерянного в самой чаще дремучей Украины, куда окормленные немцы перенесли подержанные автомобили, потому что выбросить дорожное, внуку польского еврея, который только благодаря своей крайней незаметности избегал истребления, тот самый Костя, которого в детском саду дразнили жиденком, — он пережил такое. Сам Бог улыбался ему нежно улыбкой, от теплоты которой могла расплавиться вся планета.

Рабинович пропитался великодушием, как крем пропитывает коржи торта. Когда его спросили, готов ли он возлюбить своего врага, он искренне удивился: «А разве у меня есть враги?» Вся эта возня была где-то далеко. То, чем он жил еще неделю назад, казалось ему не более, чем сном.

Мысль о том, что он должен вернуться домой, мало радовала его, но он понимал, что все же должен это сделать, и это понимание в нем было так отчетливо, как будто он его проглотил. Когда он садился в электричку, то был спокоен и чувствовал себя вполне уверенно, чего никак нельзя сказать о том времени, когда он подъезжал к родному городу. Беспокойство одолевало его при мысли о том, что ему опять придется окунуться туда, откуда он с таким удивлением сбежал. Он как-то особенно отчетливо чувствовал, что среда его обитания враждебна ему теперь. Он вспомнил, каким странным ему показался приятель, когда-то приходивший кататься в антисемитизме. Сам Костик тогда вел себя с ним вполне великодушно, но о других Рабинович думал гораздо хуже, чем о себе и никак не мог надеяться, что к нему проявят ту же терпимость. Обратного пути, однако, не было, во-первых, потому что этот поезд был последним, а во-вторых, стать таким, каким он был когда-то, Костик никак не хотел. Порывшись в своей обновленной душе, он с удивлением обнаружил там еще теплившееся что-то к своей жене. Прибавив к этому «что-то», свой новый опыт, доказывающий, что невозможного на самом деле гораздо меньше, чем он предполагал, он воспрял духом и ступил на платформу вполне уверенной походкой. Дешед до автобусной остановки, он уже имел созревшее решение простить ее и открыть ей свет благой вести. Будущее уже рисовалось ему самым радужными красками и рот растянулся в блаженной улыбке, когда грубый отклик вернул его на землю. Обернувшись, он увидел хитрый прищур Фролыча до тусклым светом фонаря на автобусной остановке. Только его тут не хватало. Фролыч был трезв, зол и без копейки денег, прямо как солдат на посту.

— Поставить надобно, причитается с тебя, — сразу перешел к делу кум.

— Я пить не буду, — парировал Костик.

— Это почему же? — Удивился Фролыч.

История

о необыкновенных событиях,

произошедших с Рабиновичем, а также о том, что этим событиям предшествовало и что за ними последовало

— А я не вижу в этом смысла, — смело ответил Костик, чувствуя себя дураком дураком.

— Без смысла можно, — все еще ничего не понял Фролыч.

— У меня нет денег, — соврал Рабинович.

— Вреш, — не отступал тот.

— Вру, — облегчил душу признанием Костик. — Но тебе все равно не дам. Я пойду домой, меня жена ждет.

— Шас, жена его ждет, — начал злиться Фролыч, — Твоя жена тебя как звать забыла. Ее небось и дома нету. Загуляла. Вся в мать. — Одним махом Фролыч опозорил все свое семейство, поскольку мать ее приходилась ему родной сестрой.

Костик не ответил и пошел в сторону дома. Фролыч упрямо плелся за ним. Он гнул все сильнее, и чтобы избавиться от того зануды, Рабинович дал ему денег. Остальную часть пути он наслаждался купленным за цену бутылки водки одиночеством.

ПРО ГОГОЛЯ

Окна его квартиры были темными, и когда он вошел в дом, то сразу понял, что его самые худшие опасения подтвердились — его половины дома не было, причем, видно, не первый день. Потолки показались ему слишком высокими, свет — неуютно тусклым. Недавно приобретенная Рабиновичем вера стала таять и утекать, словно через дырочку. «Господи, — взмолился он, — ну почему ее нет?» Он не ощущал ни ревности, ни злости. Ему только отчаянно хотелось, чтобы она была дома. Поэтому он воспринял звонок в дверь как ответ на его еще не сотворенную официально молитву. Когда он подошел к двери, его сердце билось, как птица в клетке, а когда он ее открыл (дверь, конечно, а не клетку), то птица эта упала кверху лапами и застыла. В подъезде, деловито переминаясь с ноги на ногу, стоял Фролыч.

— Я знал, что ее нет, не мог же я в трудную минуту бросить тебя одного, — сказал он, вламываясь в коридор.

— Надо бы тебя прогнать, — предположил Костик.

Но было уже поздно, Фролыч уже рылся в холодильнике. Там, конечно, было пусто, и так как Костик не пил, предприятие обещало затянуться. Выпив первую, гость осмелел и перешел к делу.

— Ну вот, брат, виш как судьба-то. А друзья познаются в беде. Кто рядом с тобой в трудную минуту оказался?

Да ты не переживай из-за бабы, от них никогда ничего хорошего не бывает.

Далее последовал экскурс в историю отношения полов, закончившийся прямым вопросом:

— Ты в мужскую дружбу веришь?

— Нет, — признался Рабинович, а потом вдруг спросил: — А ты в Бога веришь?

— Верю, как ни верить, — сказал кум с уважением. Но потом прибавил:

— А может, и не верю. Кто его знает. Кругом все врут, где уж тут верить. А тебе зачем?

— А я верю.

— Ух ты, и давно ли? — съязвил кум. Это тебя та дамочка из Москвы в философию затащила, та, что пробки нюхать научила?

— Нет, это по серьезному. Со мной такое превращение случилось, вроде как с Гоголем.

Про Гоголя Рабиновичу действительно та женщина рассказала. Она сказала, что тот был хорошим писателем, пока не начал нести всякую религиозную муть. Костик запомнил это, чтобы где-нибудь потом повторить, а теперь вдруг увидел в этом писателе своего единомышленника, и сам этому немало удивился.

— А что с Гоголем? — Насторожился Фролыч, — не знаю я ничего про Гоголя. Ты про что это говоришь?

— Про веру в Бога. Помнишь Веру?

— Какую такую Веру?

— Ну, Лолиту?

— А это про этих, у которых там монастырь?

— Не монастырь там вовсе.

Тут Рабинович все Фролычу и вы-

ложил, от начала и до конца, все что знал. Тот, как выяснилось, оказался человеком широких взглядов, не стал ни отговаривать, ни пугать.

— Я так думаю, что пожалуйста. Если человек хочет в веру, пусть в веру идет. Только не пьешь ты зря.

Ему было и любопытно, и жаль Рабиновича, которого бросила жена, да и водка еще не кончилась, а идти ему было некуда. Выпив все, он, конечно, ушел, на прощанье еще раз подчеркнув свою позицию терпимости: «Хоть верь, хоть не верь, твое дело». Дверь за ним захлопнулась, и Костик остался наедине со своей тоской, которая вопреки его радужным надеждам, не оставляла его и не ослабевала, а только усиливалась день от дня.

Услужливое воображение, подкрепленное его собственным богатым опытом, рисовало ему сцены — хуже некуда. Но самое удивительное было в том, что он вдруг так отчетливо вспомнил, что наставлять рога — дело весьма приятное для самолюбия. Имея такой богатый опыт по этой части, сам Костик этого не понимал никогда так отчетливо как сейчас, будучи в положении самого жалкого рога носца. Что же оставалось ему делать? Он пытался гневаться не жену, но сознание того, что количественно его собственный грешок сильно перевешивал, не давало ему излить тоску в справедливом возмущении. Он хотел было пожаловаться на нее кому-нибудь из своих новых друзей, полагая, что они согласятся с его гневом, потому что ведь измена же запрещена, в конце концов, по всем законам благочестия, но к кому же ему было обратиться, когда молчаливое присутствие Александра, расположение которого Костик теперь ценил, делало все его крики о справедливости просто фарсом. К тому же Фролыч, заметив его удрученность и выведав раз, что чувство вины и обиды мучает Рабиновича, стал подливать масла в огонь с ловкостью просто иезуитской, хотя в других делах никакой особенной принципиальности не отличался. Вот ведь удивительно, на какое изощренное зло способен иной человек по природе своей неспособный ни к изящной речи, ни к разветвленной мысли. Но бедному Косте не много надо было — его и так буквально разрывало изнутри. Следить за женой он не пытался, хотя ему иногда и очень хотелось: этому мазохистическому желанию он уже вполне мог противостоять. Свои похождения, которые доселе находил забавными и милыми, теперь он вспоминал не иначе как с отвращением. Припомнился ему и еще один случай: как-то она вбежала в квартиру в сущей истерике, стала кричать на него и даже полезла драться. Глаза ее горели, и видно было, что она не в себе. «На меня твои ... (здесь было неприличное слово, характеризующее женщину, не слишком разборчивую в связях) уже пальцем показывают, выйти нигде нельзя, чтобы твою (еще более грубое слово того же значения) не встретить...» — и так далее в том же духе. Она в тот момент вызвала только смех и раздражение. Костик в таких случаях говорил «остынь» — и уходил из дома. Теперь это все рисовалось в совершенно ином свете: значит, ты в этом положении для всех дурак: для людей дурак, для своей собственной жены — дурак, да и сам себя чувствующий дурак дураком. Здесь был приступ раскаяния, решал вдруг бежать, найти ее, прощения просить, но потом вспоминалось, где она, и новый приступ мучительной ревности и оскорбленного самолюбия сжимал Рабиновича в тиски. Агония его дошла до такой степени, что даже Фролыч его пожалел. Рассудив, что должен же кто-то тут помочь (русскому человеку свойственно почему-то думать, что ему непременно кто-то должен), он заключил: «Это же по душевной части, значит для душевнеспасителей твоих работа, к ним и отправляйся».

Продолжение следует.